ВИДЫ С ГИЛАНСКИХ КРЫШ

На центральной площади Гилана кипела жизнь. Наша небольшая экспедиция вкатила на видавшем виды уазике на грунтовый пятачок и была тут же замечена. С нижней его стороны на вечерней зорьке устроились на бревне мужчины. Посередине на весах взвешивали мешки. Их тут же закидывали в синий кузов грузовика. Продавец считал деньги. Хохотушки в отъезжающем авто демонстрировали крупные луковицы из мешка и махали на прощание. Мы ловили кадры, лавируя в стаде коров и сознавая, что Гилан — явление.
Попутная песня

В Гилан мы выехали с утра пораньше из фруктового кишлака Алматы. Наша ласточка (так, уговаривая ехать, называл уазик командир экспедиции — замдиректора Гиссарского заповедника Владимир Худяков) много раз останавливалась передохнуть. Мы — участницы экспедиции (да, в ней оказались только дамы-журналистки) — много раз этому радовались. Выпрыгивали с фотоаппаратами то у бревенчатого мостка, по которому шли местные красавицы, то на подъеме, на котором обгонял вездесущий ослик с поклажей и погонщиком.
Остановились на горе. В дымке просвечивали снежные пики, вниз скатывались голые склоны, облагороженные то там, то тут строчками плодовых саженцев и черными картофельными делянками с пухлыми белыми мешками. Через ущелье — гора, такая же выжженная летним солнцем, как и все другие окрест, но достойная особого внимания. Поверх ее зеленела «заплатка». Худяков сказал, что там находится кишлак Чингурак, а в нем с недавних пор установлена сотовая станция компании Ucell. Она связала многие кишлаки, и потому звенит его мобильник. «Да, едем, — отвечал он в трубку

по-узбекски. — К вечеру будем в Гилане».
Но сперва тормознули в Камаре — просторно раскинувшемся кишлаке со строптивой рекой. Она бьется о скальные породы, вертится, образуя воронки, и потому дали кишлаку имя, означающее в переводе «пояс». В нем находится центр сельсовета, который объединяет шестнадцать поселений с населением в пятнадцать тысяч человек. В Камаре есть электрическая подстанция, подающая электроэнергию в дома четыре-пять часов в сутки. Нет газа, зато много скота.
Месяца четыре тому назад сюда приезжала миссия из Евросоюза и выбрала его для пилотного проекта. Это значит, что через год в Камаре

появятся возобновляемые источники энергии. Биогазовую установку станут «подпитывать» навозом 20-25 соседних хозяйств, у которых от пяти до двадцати коров. Эти же хозяйства получат биогаз. Появятся в кишлаке ветроустановка и микро-ГЭС, а еще солнечные батареи, вырабатывающие электроэнергию.
Объяснения местных жителей про микро-ГЭС были не вполне ясны: она обеспечит энергией один кишлак или все шестнадцать? Спросить бы председателя сельсовета, но он занят отправкой людей на хлопок в степи за Шахрисабзом. Разнарядку из района спустили на 120 человек, а в горных кишлаках все в это время заняты уборкой собственной картошки, ведь вот-вот заморозки. Хлопок растет на чужих фермерских полях, и потому идет битва за каждого потенциального сборщика хлопка.

Про отправку людей с гор в степи тоже хотелось расспросить поподробнее, но «ласточка» отдохнула. Она двинулась мимо придорожного магазина, где загружались в такси-матиз камарские пассажиры, одетые по-городскому. О городе какое-то время напоминали участки асфальта ниже кишлака, удивлявшие плавным ходом и вдохновлявшие на попутные песни. Очевидно, бравурные мелодии из уазика сильно озадачивали встречных скотоводов. Вскоре мы свернули к Гиссараку, и на несколько дней напрочь забыли про асфальт.

Остановка в Гиссараке запомнилась широченным каменным ложем. Сколько ж селей пронеслось по двум сливающимся руслам! По одному текла вода густо-коричневая, по другому — белая. Та и другая, смешиваясь, неслись вниз к Гиссарскому водохранилищу. А мы выбрали дорогу наверх, среди мрачных скальников, вдоль белого русла Аксу. Она вела в Гилан.

Что за каменным коридором?

Никак не предполагали, что 24 километра от Гиссарака до Гилана будем ехать несколько часов. То отдыхала «ласточка», то Худяков специально останавливался для разговоров с местными жителями о медведях. Если честно, в каменном коридоре застревать совсем не хотелось. Рваные булыги под колесами подсказывали, что камнепады тут частые. На пробоину в лобовом стекле, в которую в пути задувал ветер, мы стали посматривать с тревогой: «Неужели здесь зацепило?!» Может, нас пронесет по теории вероятности, но для гиланцев эта дорога — обычная. Как они тут передвигаются?

В качестве такси бегают уазики. Ездят частные «Нивы» и грузовики с товаром. До 1976 никакой дороги в помине не было, и товары для жизнеобеспечения кишлака возились по тропе на ишаках. В 76-м государство выделило небольшие финансы на дорогу, в прокладке которой участвовали гиланцы на общественных началах. В 88-м прибыли взрывники и трассу расширили. Странно, но на балансе хокимията она до сих пор не числится и дорожниками не расчищается. Каждый год гиланцы очищают ее в хашары: трудятся дней двадцать, и нет таких, кто уклоняется. Это же дорога жизни!

Зимой она похожа на тоннель из сугробов двухметровой высоты, который после каждого снегопада прочищает дежурный бульдозер из кишлака. По тоннелю едут в Гиссарак женихи с невестами регистрировать брак. Таких кортежных проездов за зиму — время гиланских свадеб — бывает свыше полусотни. И в любое время года по дороге жизни едут рожать беременные женщины. Мы их на остановках не встретили. Но изредка провожали взглядом грузовики.

За каменным коридором ущелье приобрело более-менее привычный вид. Вдоль дороги выстроились тополя. Между тополями и рекой тянулись сады и огороды. Мы видели на них работающих людей, а чаще уже пакующих урожай, кто — в машину, кто — на ишака. Преодолев еще несколько петляющих по горе подъемов, въехали в Гилан.

Может ли быть в мире место более красивое? Кишлак находится на высоте 2200 метров над уровнем моря. В нем в 420 хозяйствах живут и радуются жизни пять тысяч человек. С теми гиланцами, что были на центральной площади, мы тоже от души порадовались, а потом отправились бродить по горбатым улочкам старого города.

Чудно тут. Крыша одного дома может быть полом или палисадником для другого. На одной из крыш кипел казан и в нем, похоже, мать с дочерьми варили томат. На другую крышу мы зашли, сделав пару шагов с улицы. На ней стоял мотоцикл, лежало несколько бревен, а от горной панорамы захватывало дух. Фундаменты из булыжников, наверное, тех, из камнепадов, были надстроены стенами из пахсы. Мы чувствовали себя в позапрошлом веке. По улице шли старцы в чапанах. Женщины в шароварах и пестрых платьях с красными и желтыми ведрами стояли у водопроводной колонки. Осовременивали ландшафт телевизионные антенны-тарелки над крышами и журчащими арыками.

Такая же была и у начальника гиланского участка Гиссарского заповедника Мамараима, дом которого в новом городе. Если в старом дома лепились один к другому, то тут стояли просторно, на бетонных фундаментах, с деревянными стенами и все — с оцинкованными крышами. Такие дома ставятся дня за три методом хашара. И еще дня три хашаром возводится крыша. Нашего командира он встретил как лучшего друга, да и вся семья выбежала встречать. Оказалось, Мамараим и Худяков и в самом деле друзья, вместе служили в Афганистане. «А правда, — спросили мы Худякова, — что вы одного из инспекторов заповедника, тоже служившего в Афгане, вынесли с поля боя?». Эти расспросы командир пресек: «Занимайтесь делом».

Горит свеча

Делом мы занимались при свете свечи за дастарханом, наугад карябая в блокнотах. Двухчасовое электричество этим вечером закончилось, так — каждый день уже много лет, и местные жители притерпелись. У многих есть дизельные движки, но солярка дорогая, и праздники, когда электричество в доме на весь вечер, случаются не часто.

Беседы при свече напоминали туристические походы. Рассказы о горах прибавляли романтики. «Сколько барсов, сколько волков, сколько медведей?» — «Барсов на весь заповедник по учетам девятнадцать, волки практически в последние годы не встречаются. Медведи активны, спускаются к кишлакам, по прикидкам ученых их полтораста, уточним цифру во время осеннего учета». Мы поинтересовались у хозяина, как решаются хозяйственные проблемы горного кишлака, а он сослался на брата Хакназара — председателя махаллинского комитета. «Уже третий год, как выбрали его председателем. С утра уехал в Шахрисабз, но скоро будет и обо всем расскажет».

Хакназар, зашедший с дороги в полутьму мехмонхоны, был возбужден и взволнован: «Пятнадцать минут назад видел четырех медведей! Большой, килограммов в триста, бежал перед машиной…». Стычки не случилось. Но дней двадцать прошло, как медведица на склоне за рекой убила человека. Хакназар написал письмо от махаллинского комитета, объединяющего два соседних кишлака Гилан и Куль, в Госкомитет по охране природы с просьбой об отстреле.

Такое же писал год назад. Получив разрешение, вместе с Худяковым и инспекторами сидел в засаде на гиланском кладбище, поджидая медведя, разорявшего свежие могилы. И сейчас медлить нельзя. Что делать с другими у кишлаков — отпугивать резиновыми

пулями, как в западных странах, или часть усыпить и вывезти в леса России? За год медведи задрали у гиланцев более 60 баранов, 10 ишаков, 29 коров.

«Чем занимаются жители — животноводством?» — «Да всем. Здесь все работают. Кто не работает, тот здесь не живет. Отцу — за восемьдесят, и он в хашарах участвует. Выйдете на улицу полшестого утра, увидите — весь кишлак на ногах». С этого часа и у председателя Хакназара Ниезова рабочий день. Мы договорились с ним о встрече в махаллинском комитете в семь, когда решит оперативные вопросы кишлака.

При догорающей свече обсуждали на курпачах свои журналистские вопросы на завтра. «Надо спросить про тополя вдоль дороги, кто их сажает, про дрова, откуда привозят, про дачные участки, как распределяли, про свет, почему мало, что показывает телевидение, коли столько тарелок. Еще про водопровод надо узнать и красную гиланскую картошку, выяснить, какие у местных жителей хозяйства — фермерские или дехканские, а заодно понять разницу. Да, кстати, в Гилане мобильный телефон не ловит. Как тут со связью?»

Утром в семь все вокруг кипело. Тянулись стада по улицам, женщины шли с ведрами, пыхтели мотоциклы, а машин-то, машин сколько! Грузовики, уазики, «Нивы» выезжали кто с дворов, кто с крыш. Мы нажимали на кнопки фотоаппаратов, пытаясь запечатлеть мгновение. Стало понятно, почему «кто не работает, тот здесь не живет». Вокруг — суровые горы, у гиланцев — твердый характер и заразительный труд.

Наталия ШУЛЕПИНА

«Новый век», № 42, 22.10.2009г.

Всего в серии четыре статьи:

1. Медвежьи углы — начало серии о кашкадарьинских горных кишлаках

далее см.

2. Виды с гиланских крыш
3. Кто знает о Кульском Афрасиабе?
4. Зайдешь в пещеру, а там…

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

21.10.2009